
ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ГЕРМАНСКОЙ ОККУПАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ НА ТЕРРИТОРИИ СССР (1944–1945 ГГ.)

Ф.Л. Сеницын

Центр военной истории России
Институт российской истории РАН
ул. Дмитрия Ульянова, 19, Москва, Россия, 117036

В статье анализируются основные итоги и последствия германской оккупационной политики на территории СССР в национальном аспекте: степень прогерманских настроений, всплеск этнических конфликтов и деятельность антисоветского бандповстанческого движения, проблемы коллаборационизма и «невозвращения» граждан СССР. Автор показывает, что на заключительном этапе войны явственным стал провал на захваченной советской территории германской оккупационной политики и пропаганды, построенной на принципах шовинизма и национальной розни.

Ключевые слова: оккупационная политика, национальные отношения, этнополитические последствия, Великая Отечественная война.

Введение

Обоснование темы. Великая Отечественная война занимает одно из главных мест в исторической памяти народов России и ряда новых независимых государств. Важность национального фактора в период войны была обусловлена тем, что агрессор, напавший на СССР, преследовал цель уничтожения национальной государственности и планировал полномасштабный геноцид народов Советского Союза.

Обзор литературы. Несмотря на обширную историографию Великой Отечественной войны, до сих пор существует ряд слабо изученных и дискуссионных вопросов, касающихся истории этого глобального конфликта. Среди них – проблема, заявленная в теме данной статьи. В частности, спорными являются оценки эффективности германской оккупационной политики и пропаганды (низкая [1] и высокая [2]); коллаборационизма граждан СССР (идейность и массовость [3], безыдейность и провальный проект нацистских властей [4]); концепции «Освободительного движения народов России» (ОДНР), направленной как против Германии, так и против СССР (поддержка этой концепции [5] и ее жесткая критика [6]); роли националистических движений, развивших свою деятельность на оккупированной и освобожденной тер-

ритории СССР (утверждение о «национально-освободительном» характере этих движений [7] и опровержение этих выводов [8]).

Цель и задачи. В статье предполагается оценить итоги и последствия германской оккупационной политики на территории СССР в период Великой Отечественной войны, раскрыть степень эффективности нацистской пропаганды для населения оккупированных территорий, прежде всего в сфере национальных отношений.

Исследование проблемы

По нашему мнению, изучение этнополитических итогов и последствий германской оккупации можно осуществить по нескольким критериям. Во-первых, это распространенность просоветских и прогерманских настроений на оккупированной и освобожденной территории Советского Союза. При этом в ходе войны на захваченной Германией территории просоветские настроения усиливались, а прогерманские ослабевали, чему способствовали и военные успехи Красной Армии, и советская пропаганда, эффективность которой признавали сами оккупационные власти [9], и недостатки и промахи нацистской пропаганды. В заключительный период нацистской оккупации попытки германских властей осуществить массовую мобилизацию в коллаборационистские формирования [10], а также «добровольно-принудительный» увод населения оккупированной территории СССР на Запад в целом провалились [11]. Таким образом, несмотря на трехлетнюю обработку германской пропагандой, на оккупированной территории Советского Союза не произошло роста прогерманских настроений. Там, где такие настроения проявлялись, они были обусловлены не политическими, а бытовыми аспектами [12] или обидами на советскую власть. Кроме того, в Прибалтике среди антисоветски настроенных жителей еще в период оккупации были распространены не прогерманские настроения, а надежды на помощь со стороны США, Великобритании и Швеции [13].

Германская пропаганда, реализованная в ходе войны, смогла проявить относительную эффективность только в нескольких аспектах, связанных с воздействием не на «прогерманские», а на антисоветские и другие настроения. Во-первых, нацисты подстегивали страх перед «мстью» со стороны советской власти, который бытовал среди части граждан Советского Союза, оказавшихся под оккупацией. Одним из последствий разжигания таких страхов стала проблема отказа от возвращения в СССР со стороны советских перемещенных лиц, которые во время войны оказались в Западной Европе [14] (к 1 января 1952 г. «невозвращенцами» стали более 450 тыс. граждан СССР [15]). В то же время представляется, что «невозвращению» в наибольшей степени способствовало не пролонгированное воздействие нацистской пропаганды, а антисоветская агитация со стороны бывших союзников СССР [16].

Во-вторых, нацистская пропаганда повлияла на разжигание национальной розни, которая в той или иной мере существовала до начала Великой Отечественной войны и не прекратилась после освобождения территории СССР советскими войсками. Наиболее тяжелым в этом отношении был украинско-польский конфликт. В результате геноцида польского населения, осуществленного ОУН–УПА («Волынская резня»), было уничтожено от 20 тыс. до 40 тыс. человек. В свою очередь, отряды Армии Крайовой (АК) уничтожили от 2 до 3 тыс. человек из числа украинского населения. Украинско-польский конфликт на Западной Украине был сведен на нет только в результате акции по «обмену населением» между СССР и Польшей, осуществленной в 1945–1946 гг. В Западной Белоруссии была выявлена неприязнь представителей белорусского населения по отношению к литовцам и латышам, возникшая из-за того, что во время оккупации здесь действовали полицейские части, набранные из числа представителей этих народов. Разогретый во время германской оккупации бытовой антисемитизм проявился и на освобожденной территории СССР [17]. Впоследствии проявления национальной розни усилиями советских властей были минимизированы.

В-третьих, хотя на усиление антисоветского бандповстанческого движения на западных территориях СССР оказала воздействие германская пропаганда, она не была основным фактором, повлиявшим на развитие этого явления. Главную роль в нем сыграли распространенные среди части населения этих регионов антисоветские настроения и наличие антисоветских политических организаций [18]. В деятельность ОУН и УПА было вовлечено до 7% населения Западной Украины (около 500 тыс. человек из 7 млн населения), хотя часть повстанцев состояла из насильно мобилизованных крестьян, не желавших воевать [19]. На основной территории Украины ОУН и УПА не смогли найти сколько-нибудь значительного числа сторонников. Таким образом, для основной части украинского народа ОУН и УПА не являлись «национально-освободительным движением», и их идеология представляла собой скорее «галицийский», а не «украинский», национализм [20]. В Прибалтике к весне 1945 г. в повстанческом движении принимали участие до 30 тыс. литовцев, 10–15 тыс. латышей и 10 тыс. эстонцев [21] (около 1% населения Литвы, Латвии и Эстонии).

В целом, можно поддержать вывод о «идейности» определенного числа участников бандповстанческого движения на западных территориях СССР [22]. Очевидно, что, в первую очередь к ним относилась верхушка бандповстанцев. Развернувшееся на западных территориях СССР бандповстанчество фактически приобрело черты гражданской войны. Жертвами бандповстанцев были в основном местные жители той же национальности. Деятельность бандповстанцев оказывала негативное воздействие на жизнь местного населения, которое было «крайне запугано и терроризировано» [23].

В результате принятых советскими властями мер по борьбе с повстанчеством определенную часть местного населения удалось привлечь к активному участию в борьбе с бандповстанцами [24], что облегчило постепенную ликвидацию бандповстанчества и возврат этих регионов к мирной жизни.

В дополнение оценку этнополитических итогов германской оккупации можно осуществить с помощью анализа численности военных коллаборационистов из числа представителей народов Советского Союза. Эта численность составляла 870 тыс. человек (500 тыс. человек в составе Вермахта [25] и до 370 тыс. человек в составе полиции к маю 1943 г. [26]), то есть всего лишь около 1% от числа советских граждан, оказавшихся под властью Германии (84,85 млн человек гражданского населения и 1,84 млн оставшихся в живых советских военнопленных), или 2,8% от числа граждан СССР, призванных за годы войны в Красную Армию (31 млн человек), и была меньше численности советских партизан (1 млн человек).

Участие в военном коллаборационизме представителей населения оккупированной территории России и основной территории Белоруссии и Украины было обусловлено не национальными, а другими причинами: психологическими (стремление выжить, защитить себя и спасти свои семьи), экономическими (получение денег, земельных наделов, льгот и пр.) и политическими (месть советской власти или ее конкретным представителям за причиненные ранее обиды). Национальные мотивы сыграли важную роль в развитии коллаборационизма среди «нерусских» народов оккупированной территории – особенно в Прибалтике, на Западной Украине и в Крыму.

В целом, роль коллаборационистов из числа представителей народов СССР на всем протяжении войны с политической и военной точки зрения была незначительной, поэтому нет оснований для утверждений ни о «масштабности» этого явления, ни об «эффективности» германской политики развития военного коллаборационизма, ни тем более об «Освободительном движении народов России» или «антисталинской революции».

Выводы

Таким образом, в заключительный период оккупации стал окончательно явственным провал германской политики и пропаганды на захваченной территории СССР. Сама победа в войне, достигнутая в том числе усилиями населения оккупированной (антигерманская партизанская и подпольная деятельность) и освобожденной территории СССР (миллионы ее жителей были призваны в Красную Армию в 1943–1945 гг.) говорит о том, что советская пропаганда, построенная на позитивных началах – патриотизме, защите Родины, единстве народов СССР – одержала моральную победу над германской пропагандой, построенной на низменных, шовинистических основах, пропаганде национальной розни и разжигании гражданской войны.

ПРИМЕЧАНИЯ

- [1] *Баберовски Й.* Красный террор: История сталинизма. М., 2007. С. 209; *Ковалев Б.Н.* Коллаборационизм в России в 1941–1945 гг.: Типы и формы. Великий Новгород, 2009. С. 306.
- [2] *Мюллер Р.-Д.* На стороне Вермахта: Иностранные пособники Гитлера во время «крестового похода против большевизма» 1941–1945 гг. М., 2012. С. 284; *Ломагин Н.А.* Неизвестная блокада. М., 2002. Т. 1. С. 535.
- [3] *Семиряга М.И.* Судьбы советских военнопленных // ВИ. 1995. № 4. С. 33; *Littlejohn David.* The Patriotic Traitors: A History of Collaboration in German-occupied Europe. London, 1972. P. 275.
- [4] *Ермолов И.* Три года без Сталина: Оккупация: Советские граждане между нацистами и большевиками, 1941–1944. М., 2010. С. 254; *Кудряшов С.* Предатели, «освободители» или жертвы войны? // Свободная мысль. 1993. № 14. С. 84; *Мюллер Н.* Вермахт и оккупация: 1941–1944 гг. М., 1974. С. 252.
- [5] Вторая мировая: Иной взгляд: Историческая публицистика журнала «Посев». М., 2008. С. 380.
- [6] *Ковалев Б.Н.* Нацистский оккупационный режим и коллаборационизм в России [1941–1944 гг.]. Великий Новгород, 2001. С. 361–361; *Кринко Е.Ф.* Кавказ в планах Альфреда Розенберга // Кавказский сборник. Т. 3 [35]. М., 2006. С. 120.
- [7] *Зубкова Е.Ю.* Прибалтика и Кремль, 1940–1953. М., 2008. С. 196; *Misiunas Romuald J., Taagepera Rein.* The Baltic States: Years of Dependence, 1940–1990. Berkeley – Los Angeles, 1993. P. 69.
- [8] Повседневность террора: Деятельность националистических формирований в западных регионах СССР. Кн. 1.: Западная Украина, февраль–июнь 1945 года. М., 2009. С. 7; Забытый геноцид: «Волынская резня» 1943–1944 годов. М., 2008.
- [9] Российский государственный военный архив [РГВА]. Ф. 1370. Оп. 1. Д. 54. Л. 3–4.
- [10] Научный архив Института российской истории РАН [НА ИРИ РАН]. Ф. 2. Раздел 2. Оп. 14. Д. 6. Л. 10 об.–11, 15 об.–16.
- [11] Российский государственный архив социально-политической истории [РГАСПИ]. Ф. 69. Оп. 1. Д. 1102. Л. 63; ЦК ВКП[б] и национальный вопрос. Кн. 2.: 1933–1945. М., 2009. С. 897.
- [12] НА ИРИ РАН. Ф. 2. Раздел 2. Оп. 15. Д. 2. Л. 15 об.
- [13] РГВА. Ф. 504. Оп. 2. Д. 6. Л. 6–6об; НА ИРИ РАН. Ф. 2. Раздел 2. Оп. 14. Д. 6. Л. 17.
- [14] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 394. Л. 89.
- [15] *Земсков В.Н.* Проблема советских перемещенных лиц // Россия в XX веке: Война 1941–1945 годов: Современные подходы. М., 2005. С. 514–515, 524.
- [16] Архив внешней политики РФ. Ф. 082. Оп. 32. П. 178. Д. 2. Л. 24.
- [17] ЦК ВКП[б] и национальный вопрос. С. 822–823, 899; РГАСПИ. Ф. 600. Оп. 1. Д. 3. Л. 30; Ф. 17. Оп. 125. Д. 310. Л. 45, 49, 60.
- [18] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 122. Д. 66. Л. 10–11, 18–19; НА ИРИ РАН. Ф. 2. Раздел 6. Оп. 20. Д. 33. Л. 2.
- [19] *Гогун А.* Между Гитлером и Сталиным: Украинские повстанцы. СПб, 2004. С. 314, 316.
- [20] *Помогаев В.В.* Украинский национализм после второй мировой войны: Маски и лицо. Тамбов, 2000. С. 6–7.
- [21] *Misiunas Romuald J., Taagepera Rein.* Op. cit. P. 83.
- [22] *Гогун А.* Указ. соч. С. 314, 317; *Зубкова Е.Ю.* Указ. соч. С. 196.
- [23] Центральный архив Министерства обороны РФ. Ф. 32. Оп. 11309. Д. 166. Л. 268; Государственный архив РФ. Ф. 8131. Оп. 37. Д. 1791. Л. 69–70, 75; Д. 2350. Л. 36.

- [24] ЦК ВКП[б] и национальный вопрос. С. 872; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 122. Д. 93. Л. 10–12, 16–18.
- [25] Мюллер-Гиллебранд Б. Сухопутная армия Германии: 1933–1945 гг. М., 2002. С. 389–390, 419.
- [26] Дембицкий Н.П. Судьбы пленных // Война и общество, 1941–1945. Кн. 2. М., 2004. С. 250.

REFERENCES

- [1] Baberowski J. *Krasnyy terror: Istoriya stalinizma* [Red Terror: The History of Stalinism]. Moscow, 2007, p. 209; Kovalyov B.N. *Kollaboratsionizm v Rossii v 1941–1945 gg.: Tipy i formy* [Collaborationism in Russia in 1941–1945]. Velikiy Novgorod, 2009, p. 306.
- [2] Müller R.-D. *Na storone Vermaakhta: Inostrannye posobniki Gitlera vo vremya 'krestovogo pokhoda protiv bol'shevizma' 1941–1945 gg.* [On the Side of Wehrmacht: Foreign Aiders of Hitler During the 'Crusade Against Bolshevism' in 1941–1945]. Moscow, 2012, p. 284; Lomagin N.A. *Neizvestnaya blokada* [Unknown Blockade]. Moscow, 2002, vol. 1, p. 535.
- [3] Semiryaga M.I. Sud'by sovetskikh voennoplennykh [Fates of Soviet POWs]. *Voprosy istorii* – Questions of History, 1995, no. 4, p. 33; Littlejohn, David. *The Patriotic Traitors: A History of Collaboration in German-occupied Europe*. London, 1972, p. 275.
- [4] Yermolov I. *Tri goda bez Stalina: Okkupatsiya: Sovetskie grazhdane mezhdue natsistami i bol'shevikami, 1941–1944* [Three Years Without Stalin: Occupation: Soviet Citizens Between Nazis and Bolsheviks]. Moscow, 2010, p. 254; Kudryashov S. Predатели, 'osvoboditeli' ili zhertvy voyny? [Traitors, 'Liberators' or Victims of War?]. *Svobodnaya mysl' – Free Thought*, 1993, no. 14, p. 84; Müller N. *Vermaakt i okkupatsiya: 1941–1944 gg.* [Wehrmacht and Occupation: 1941–1944]. Moscow, 1974, p. 252.
- [5] *Vtoraya Mirovaya: Inoy vzglyad: Istoricheskaya publitsistika zhurnala 'Posev'* [The Second World War: Historical Essays of 'Posev' Magazin]. Moscow, 2008, p. 380.
- [6] Kovalyov B.N. *Natsistskiy okkupatsionnyy rezhim i kollaboratsionizm v Rossii [1941–1944 gg.]* [The Nazi Occupation Regime and Collaborationism in Russia [1941–1944]]. Velikiy Novgorod, 2001, p. 361–361; Krinko Ye.F. Kavkaz v planakh Al'freda Rozenberga [Caucasus in the Plans of Alfred Rosenberg]. *Kavkazsky sbornik* [Caucasian collection]. Moscow, 2006, vol. 3 [35], p. 120.
- [7] Zubkova Ye.Yu. *Pribaltika i Kreml', 1940–1953* [Baltic States and Kremlin, 1940–1953]. Moscow, 2008, p. 196; Misiunas, Romuald J., Taagepera, Rein. *The Baltic States: Years of Dependence, 1940–1990*. Berkeley – Los Angeles, 1993, p. 69.
- [8] Povsednevnyy terror: Deyatel'nost' natsionalisticheskikh formirovaniy v zapadnykh regionakh SSSR [Ordinariness of Terror: Activities of Nationalist Armed Groups in the Western Regions of the USSR]. Moscow, 2009, book 1, p. 7; *Zabytyy genotsid: 'Volynskaya reznya' 1943–1944 godov* [Forgotten Genocide: 'The Volyn Massacre' of 1943–1944]. Moscow, 2008.
- [9] Rossiyskiy gosudarstvennyy voennyi arkhiv [Russian State Military Archive] [RGVA], f. 1370, op. 1, d. 54, ll. 3–4.
- [10] Nauchnyy arkhiv Instituta Rossiyskoy istorii RAN [Scientific Archive of the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences] [NA IRI RAN], f. 2, razdel 2, op. 14, d. 6, ll. 10 ob–11, 15 ob–16.
- [11] Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv sotsial'no-politicheskoy istorii [Russian State Archive for Socio-Political History] [RGASPI], f. 69, op. 1, d. 1102, l. 63; *TsK VKP[b] i natsional'nyy vopros* [Central Committee of VKP[b] and the Ethnic Question]. Moscow, 2009, book 2: 1933–1945, p. 897.

- [12] NA IRI RAN, f. 2, razdel 2, op. 15, d. 2, l. 15 ob.
- [13] RGVA, f. 504, op. 2, d. 6, ll. 6–6ob; NA IRI RAN, f. 2, razdel 2, op. 14, d. 6, l. 17.
- [14] RGASPI, f. 17, op. 125, d. 394, l. 89.
- [15] Zemskov V.N. *Problema sovetskikh peremeshchennykh lits* [The Issue of the Soviet Displaced Persons]. *Rossiya v XX veke: Voyna 1941–1945 godov: Sovremennye podkhody*. [Russia in the XX-th century: the war of 1941–1945: Modern Approaches]. Moscow, 2005, pp. 514–515, 524.
- [16] Arkhiv vneshney politiki RF [Archive of the Foreign Policy of the Russian Federation], f. 082, op. 32, p. 178, d. 2, l. 24.
- [17] *TsK VKP[b] i natsional'nyy vopros*, pp. 822–823, 899; RGASPI, f. 600, op. 1, d. 3, l. 30; f. 17, op. 125, d. 310, ll. 45, 49, 60.
- [18] RGASPI, f. 17, op. 122, d. 66, ll. 10–11, 18–19; NA IRI RAN, f. 2, razdel 6, op. 20, d. 33, l. 2.
- [19] Gogun A. *Mezhdru Gitlerom i Stalinyu: Ukrainskie povstantsy* [Between Hitler and Stalin: Ukrainian Rebels]. St.-Petersburg, 2004, pp. 314, 316.
- [20] Pomogaev V.V. *Ukrainskiy natsionalizm posle vtoroy mirovoy voyny: Maski i litso* [Ukrainian Nationalism After the Second World War: Masks and Face]. Tambov, 2000, pp. 6–7.
- [21] Misiunas, Romuald J., Taagepera, Rein. Op. cit., p. 83.
- [22] Gogun A. Op. cit., pp. 314, 317; Zubkova Ye. Yu. Op. cit., p. 196.
- [23] Tsentral'nyy arkhiv Ministerstva oborony RF [Central Archive of the Ministry of Defense of the Russian Federation], f. 32, op. 11309, d. 166, l. 268; GARF, f. 8131, op. 37, d. 1791, ll. 69–70, 75; d. 2350, l. 36.
- [24] *TsK VKP[b] i natsional'nyy vopros*, p. 872; RGASPI, f. 17, op. 122, d. 93, ll. 10–12, 16–18.
- [25] Müller-Hillebrand B. *Sukhoputnaya armiya Germanii: 1933–1945 gg.* [Land Army of Germany: 1933–1945]. Moscow, 2002, pp. 389–390, 419.
- [26] Dembitskiy N.P. Sud'by plennykh [Fates of POWs]. *Voyna i obshchestvo 1941–1945* [War and Society 1941–1945]. Moscow, 2004, book 2, p. 250.

ETHNOPOLITICAL CONSEQUENCES OF GERMAN OCCUPATION POLICY IN USSR (1944–1945)

F.L. Sinitsyn

Center for Military History of Russia
Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences
Dmitriya Ulyanova Str., 19, Moscow, Russia, 117036

The article analyses the main outcomes and consequences of the Nazi occupation of the Soviet territory in its ethnic aspect: the extent of pro-German sentiments; the surge of ethnic conflicts and anti-Soviet insurgency; the issues of collaborationism and ‘non-return’ of Soviet citizens. The author shows that at the final stage of the Nazi occupation there became obvious the failure of the German policy and propaganda on the occupied Soviet territory, which was based on the principles of chauvinism and incitement of ethnic hatred.

Key words: occupation policy, ethnic relations, Nazi occupation of the USSR, ethno-political consequences, the Great Patriotic War.